

Дорогой тов. СТАЛИН!

Я пишу Вам в состоянии полной растерянности. Не знаю, что делать с Ник.Ив., что же мне с ним делать?

Он находится в состоянии глубокого потрясения, глубокого нервного расстройства, от несправедливо обрушившихся на него ужасных обвинений, оттого он и решился на такой страшный, странный и необдуманный шаг. Я его умоляла не делать этого, не затевать никаких голодовок, не писать об этом, умоляла, но напрасно, он был одержим этой идеей, он уже ненормальный человек и не судите его за это строго. Отнеситесь как к больному, измученному большим горем, когда свои же его клеймят (он мне все время говорит: ты пойми, ведь, это свои, которых я так люблю и ценю, мне не верят, поэтому так тяжело) из-за проклятых клеветников, действительных врагов нашей страны.

Он лежа, почти круглыми сутками, не спав, занимался читкой и разбором присланных материалов.

Он часами истерически рыдал и рыдает о Серго, ему горько, что не смог быть в это время вместе со всеми вами.

Все это отняло последние силы. Он уже третий сутки отказывается от пищи и не пьет кроме сырой воды ничего. Все это ложится на уже измученный, истощенный нервно организм (да он и раньше полуголодал), он прямо угасает на глазах, лежит уже с совсем синими губами, красными от слез глазами, начинается уже и головокружение.

Теперь, поскольку он об этой голодовке сообщил ПБ, я на него никак, никакими силами воздействовать не могу, он

- 2 -

только сердится, когда я прошу хоть немножко поесть.

Тов.Сталин, дорогой, я прямо умоляю Вас что нибудь сделать, нельзя ли позвонить, сказать, что голодовка ему запрещена. Тогда, я думаю, он подчинится. Или что-нибудь другое, что Вы сочтете возможным. Ведь я, как дважды два четыре знаю, что Ник. ни в чем не виноват, оттого так мучительно переживает он эти ужасные обвинения.

А.ЛАРИНА.

Р.С. Простите, что я воспользовалась именем Н.И. для отправки письма, иначе отправить было трудно, а также за то, что отняла время на его чтение, очень уж тяжело - невыносимо.

22.П.1937г.

ас